Владимир Шорохов

3 Книга

Отправлено завтра

Я мыслю, следовательно, существую

Владимир Шорохов

Отправлено завтра

«Автор»
2026

Шорохов В. Л.

Отправлено завтра / В. Л. Шорохов — «Автор», 2026

«Не выходи замуж» — такое письмо капитан волжского парома Елена получает за неделю до свадьбы. Отправитель — она сама из 2051 года. Шутка подруг? Но письма знают, когда позвонит будущая свекровь, когда ударит град посреди июньской жары и как звали её дочь в детстве, а этого прозвища не знал никто. Жених любит, щедр, улыбается. Только зачем ему группа крови её девятнадцатилетней дочери? И кто на самом деле пишет из будущего?Эта история лишь первая. Остальные не отпустят до утра.

© Шорохов В. Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Я получила письмо от себя из 2051 года: «Не выходи замуж» 6
«Внучка вам чужая»: бабушка открыла генетический паспорт и узнала, сколько стоило молчание её сына 11
Я купила себе молодость. Через месяц пришёл счёт на дочь 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Владимир Шорохов
Отправлено завтра

Я получила письмо от себя из 2051 года: «Не выходи замуж»

Паром «Ласточка» отвалил от городецкого берега ровно в девять сорок. Волга в июне блестела так, что больно было смотреть, а над водой носились стрижи. Елена Сергеевна, капитан речной переправы, стояла в рубке и одной рукой держала штурвал, а другой листала почту в телефоне.

Ей было сорок пять, и выглядела она ровно на свой возраст. Высокая, жилистая, с коротко стриженными пепельными волосами и загаром, который не сходил даже к Новому году. Ладони шершавые, как наждак, улыбка широкая. Говорила она всегда прямо, потому что на реке недомолвки стоят дорого.

— Глеб! — крикнула она в открытую дверь рубки. — Иди сюда, тут мне будущее пишет!

Матрос Глеб, двадцатилетний парень в выцветшей тельняшке, просунул голову внутрь.

— Опять наследство от нигерийского принца, Елена Сергеевна?

— Хуже. Слушай. Отправитель — «Лена, две тысячи пятьдесят первый». Текст: «Лена, это ты из будущего. Не регистрируй брак с Романом».

Глеб расхохотался так, что чуть не выронил швартовый конец.

— Это вас подружки разыгрывают! До свадьбы неделя, вот они и стараются.

— Мои подружки пишут с ошибками, а тут все запятые на месте. — Елена прищурилась. — Ладно, будущее, спасибо за заботу. Если я в семьдесят один такая умная, то где мои миллионы?

Она хмыкнула, сунула телефон в нагрудный карман и сосредоточилась на фарватере. Навстречу шла баржа с песком, и думать про шутников было некогда.

Роман Андреевич Шилов встречал её на пристани с букетом полевых ромашек. Высокий, с серебряными висками, в льняной рубашке с закатанными рукавами. Глаза тёплые, карие, и улыбались они раньше, чем губы.

Работал он координатором медицинского туризма: возил людей на лечение в лучшие клиники, договаривался с врачами, оформлял бумаги. Елена до сих пор не очень понимала, как устроена его работа. Зато прекрасно видела, что денег у Романа много и что он не жадный.

— Капитан, разрешите подняться на борт вашего сердца? — Роман шутливо козырнул.

— Разрешаю, но без грузов сомнительного происхождения, — засмеялась Елена и забрала ромашки.

— Из сомнительного у меня только чувство юмора. — Он поцеловал её в висок. — Кстати, ресторан на субботу я подтвердил. Музыкантов тоже.

— Рома, а мне сегодня письмо пришло из будущего. Сказали за тебя не выходить.

Роман на секунду замер. Потом расхохотался громче, чем требовала шутка.

— Пусть будущее встаёт в очередь. Моя мама тоже против, а она поопаснее любого будущего.

Вечером дома Елена разбирала свадебные коробки, а её дочь Алиса сидела на подоконнике с учебником анатомии собак. Девятнадцать лет, тонкая, веснушчатая, с толстой русой косой и прямыми материнскими бровями. Училась она на ветеринара и в свободное время зашивала дворовых котов.

— Ась, ты Роману сказала, что в субботу приедешь пораньше?

— Сказала. — Алиса не подняла глаз. — Он мне опять деньги на карту кинул. Двадцать тысяч. «На учебники».

— Ну и хорошо же.

— Мам, учебники стоят две тысячи. Мне неловко. Я ему никто.

— Ты моя дочь. Значит, не никто.

Телефон на столе коротко звякнул. Елена глянула на экран и перестала улыбаться.

«Лена, через четыре минуты позвонит Ирина Викторовна. Скажет, что платье надо брать не белое, а цвета шампанского, потому что "в твоём возрасте белое смешно". Не спорь с ней, это бесполезно».

— Что там? — Алиса наконец оторвалась от книги.

— Да так. Ерунда.

Ровно через четыре минуты зазвонил телефон. Будущая свекровь сообщила, что белое платье в сорок пять лет выглядит смешно, а вот цвет шампанского благороден.

— Хорошо, Ирина Викторовна, — механически ответила Елена. — Я вас услышала.

Ночью она не спала и перебирала варианты. Взлом телефона? Ирина Викторовна могла кому-то рассказать о своих планах. Роман мог проболтаться. Слишком много людей знало про это платье.

Утром пришло второе письмо.

«В субботу днём будет град. Крупный, с вишнёвую косточку. Сейчас ты не веришь. Ещё сегодня спой Совёнку про медведицу. Ей это нужно, хоть она и не попросит».

Елена перечитала строчку про Совёнка. Так она звала Алису в детстве: дочь до шести лет не спала по ночам и сидела в кроватке с круглыми глазами. Засыпала только под «Колыбельную медведицы», причём строго на третьем куплете.

Об этом прозвище не знал никто. Ни Роман, ни подруги, ни сестра.

— Глеб, — сказала она в рубке, — какой прогноз на субботу?

— Солнце, Елена Сергеевна, плюс двадцать восемь. Шашлыки и загар.

— А град?

— Какой град в июне? — Глеб вытаращил глаза. — Вы что, письма свои читаете?

Вечером Елена зашла к дочери. Алиса лежала, отвернувшись к стене, и делала вид, что спит.

— Совёнок, — тихо позвала Елена.

Алиса повернулась. Глаза у неё были красные.

— Ты меня так лет тринадцать не называла.

— Что случилось?

— Ничего. — Алиса шмыгнула носом. — Просто… Роман сегодня спрашивал, какая у меня группа крови. Говорит, для медицинской страховки, раз мы теперь одна… ну, вместе. А я почему-то испугалась. Глупо, да?

У Елены похолодели ладони. Она села на край кровати и запела. Сначала неуверенно, потом громче: «Ложкой снег мешая, ночь идёт большая…» На третьем куплете Алиса заснула, как в пять лет.

В субботу в два часа дня ударил град. Крупный, с вишнёвую косточку. Он сбил листья с лип на набережной и пробил тент у кафе. Глеб прибежал в рубку бледный.

— Елена Сергеевна, это что сейчас было?

— Будущее, Глеб. Будущее было.

Вечером Роман приехал с бутылкой шампанского и бархатной коробочкой.

— Град на свадьбу — это к богатству, — заявил он с порога. — Я специально заказывал, пришлось доплатить небесной канцелярии.

— Рома, зачем ты спрашивал у Алисы группу крови?

Он поставил бутылку на тумбочку и улыбнулся ещё шире.

— Ленусь, ну ты что, допрос? Я страховку оформляю на всю семью. Лучшая клиника, полный пакет. Мне что, нельзя заботиться о твоей дочери?

— Можно. Только почему ты спросил её, а не меня?

— Потому что ты бы сказала «не надо, Рома, не трать деньги». — Он рассмеялся. — Я тебя знаю. Ты от подарков отбиваешься, как от абордажа.

Шутка была хорошая. Елена всё равно не засмеялась.

Письма шли каждый день. Короткие, точные, без лишних слов.

«Во вторник Роман попросит тебя подписать доверенность. Скажет, что это для оформления квартиры после свадьбы. Прочитай пункт седьмой».

«Он скажет: "Мы с тобой как два весла, по одному не гребут". Он всем это говорит».

«Помнишь сапоги с божьими коровками? Я до сих пор помню, как ты несла меня на руках через лужи у пристани, потому что они промокли».

Последнее письмо Елена прочитала в рубке, держа телефон обеими руками. Сапоги с божьими коровками Алисе купили в три года. Сама Елена давно забыла про лужи у пристани. А автор письма помнил.

— Елена Сергеевна, вы бледная, — сказал Глеб. — Давайте я штурвал подержу?

— Держи, — ответила она и вышла на палубу.

Ветер с Волги бил в лицо, пахло водой и мазутом. На заволжском берегу стоял сосновый бор, тёмный, ровный, как частокол. Елена смотрела на него и думала.

Если это пишет она сама, откуда у неё такая память про чужие детские сапоги? Себя она помнит за рулём, у штурвала, в бесконечных сменах. А сапоги, лужи и третий куплет помнит тот, кого несли на руках.

Во вторник Роман действительно приехал с бумагами.

— Ленусь, тут пустяки. Доверенность на ведение дел, чтобы я мог оформить квартиру, пока ты на своём пароме. — Он протянул ручку. — Мы с тобой как два весла, по одному не гребут.

Елена взяла листы. Пункт седьмой был набран мелким шрифтом в самом низу третьей страницы.

«…а также право представлять интересы доверителя и членов его семьи в медицинских учреждениях, давать согласие на медицинские вмешательства, включая родственное донорство…»

— Рома, а что такое «родственное донорство»?

Роман засмеялся. Смех вышел чуть выше, чем обычно.

— Стандартная формулировка, юристы любят перестраховаться. Там ещё про пожар и наводнение есть, ты же не думаешь, что я собираюсь поджечь квартиру?

— Я думаю, что я это не подпишу.

— Лен. — Он перестал улыбаться и тут же снова улыбнулся, как будто опомнился. — Ну хорошо, хорошо. Вычеркнем. Тебе кто-то голову заморочил? Опять будущее пишет?

— Пишет, — сказала Елена. — И пока ни разу не ошиблось.

Роман ушёл, оставив бумаги на столе. В прихожей он задержался и пошутил что-то про ревнивые машины времени. Елена не ответила.

В четверг вечером пришло последнее письмо. Без текста, только фотография.

Больничная палата, белый свет, капельница. На кровати лежала молодая женщина лет двадцати трёх. Веснушки, русая коса через плечо, прямые брови. Алиса.

Рядом с кроватью стоял Роман, немного постаревший, всё в той же льняной рубашке. В руках он держал бумаги. На верхнем листе крупно читалось: «Согласие на изъятие почки у живого родственного донора». Внизу стояли две подписи: его и её, Елены.

Дата в углу снимка: март две тысячи двадцать девятого.

Елена смотрела на фотографию и складывала всё по порядку. Группа крови. Деньги на карту, чтобы девочка привыкла брать и чувствовала себя обязанной. Доверенность с пунктом седьмым. Медицинский туризм, богатые клиенты, которым нужны органы. Свадьба через два дня.

Ему нужна была не жена. Ему нужна была мать, которая подпишет.

— Ась! — крикнула она. — Собирай сумку. Быстро.

— Мам, ты чего? — Алиса выглянула из комнаты с недоеденным яблоком. — Куда?

— К тёте Вере в Чкаловск. Сегодня. Сейчас.

— А свадьба?

— Свадьбы не будет.

Роман примчался через сорок минут: видимо, кто-то из гостей уже успел ему позвонить. Он стоял в дверях, растрёпанный, но всё ещё улыбающийся.

— Ленусь, у нас пожарная тревога? Сбежавшая невеста — это классика, но обычно сбегают из-под венца, а не за два дня.

— Я всё знаю, Рома.

— Что ты знаешь? — Он рассмеялся. — Что я храплю? Что я не умею жарить котлеты?

— Что тебе нужна была подпись на согласии. На донорство. Алисиной почки.

Улыбка не сошла с его лица. Она застыла, как гипсовая маска. Роман постоял секунду, потом сделал шаг вперёд.

— Ты бредишь. Тебе надо к врачу, честное слово. Я, кстати, могу устроить.

— Ничего ты больше не устроишь. Отойди от двери, я с ребёнком уезжаю.

— Ребёнку девятнадцать лет, — Роман вдруг заговорил тихо и очень спокойно. — Пусть она сама решает, с кем ей ехать. Алиса, ты же понимаешь, что мама просто перенервничала?

Алиса стояла в коридоре с рюкзаком. Она посмотрела на Романа, потом на мать.

— Роман Андреевич, вы зачем мне деньги переводили? — спросила она негромко.

— Потому что люблю вас обеих.

— А группа крови зачем?

Роман пошутил. Что-то про вампиров и банки крови, с подмигиванием. Никто не засмеялся, и он отступил от двери.

У тёти Веры в Чкаловске было тихо: огород, яблони, собака на цепи. Вера, младшая сестра Елены, рыжая хохотушка с крепкими руками, работала смотрительницей шлюза на Горьковском водохранилище. Вопросов она не задавала, только стелила постели и молча ставила на стол картошку с укропом.

— Лен, ты мне скажешь, что случилось?

— Скажу. Потом. Вера, ты мне веришь?

— Я тебе с пяти лет верю, ты меня из проруби вытащила. — Вера махнула рукой. — Живите сколько надо.

Через три дня позвонил незнакомый номер.

— Елена Сергеевна Белова? Капитан полиции Ковалёв. Вам знаком Роман Андреевич Шилов?

— Знаком. Был моим женихом.

— Был — это хорошо. — В голосе Ковалёва мелькнуло облегчение. — Шилов задержан по делу о мошенничестве с донорскими органами. Подделка согласий, фиктивные браки с одинокими женщинами, у которых есть взрослые дети. Восемь эпизодов в трёх областях. Мы нашли у него ваш пакет документов с доверенностью. Вы её не подписали?

— Нет.

— Тогда вам очень повезло. Двум женщинам до вас не повезло.

Елена положила телефон на стол. Руки у неё были мокрые от пота. Алиса сидела напротив и смотрела на неё круглыми глазами, как маленький совёнок из детства.

Ночью Елена вышла на крыльцо. Над водохранилищем висела огромная оранжевая луна, в траве трещали кузнечики. Где-то вдали гудела баржа, и звук стелился по воде, как дым.

Телефон в кармане звякнул.

Отправитель: «Лена, две тысячи пятьдесят первый». Она открыла письмо.

«Спасибо, мама. Писала не ты. Это я.

Мне сейчас сорок пять, как тебе тогда. В той жизни ты подписала. Ты верила ему до последнего, а я после операции прожила шесть лет. Ты так и не простила себе этого. Я нашла способ отправить письма назад, одни и те же, раз за разом, пока ты не прочитаешь и не поверишь.

В этот раз ты поверила. Я это знаю, потому что у меня есть обе почки и я сейчас сижу у тебя на кухне в Чкаловске, мне сорок пять, и ты поёшь моей внучке про медведицу.

Твой Совёнок».

Елена прочитала до конца и не могла вдохнуть. Сзади скрипнула дверь.

— Мам? — Алиса вышла на крыльцо в пижаме, босиком. — Ты чего не спишь?

Телефон звякнул ещё раз. Новое письмо, всего одна строчка.

«Мам, не показывай ей. Она ещё не знает, что это напишет. Если узнает раньше времени, всё повторится».

— Нет! — Елена закричала так, что на цепи взвилась собака. — Нет, нет, нет! Алиса, уйди в дом! Уйди, я тебе говорю!

— Мам, что там? — Алиса шагнула вперёд и потянулась к телефону. — Покажи!

— Не трогай! — Елена прижала телефон к груди и попятилась к перилам. — Не смотри! Совёнок, не смотри, слышишь?!

Экран вспыхнул в третий раз. Алиса уже стояла рядом, и её взгляд упал на новую строчку:

«Поздно. Она увидела».

Елена закричала.

Автор: Владимир Шорохов 2026

«Внучка вам чужая»: бабушка открыла генетический паспорт и узнала, сколько стоило молчание её сына

В день, когда Лизе выдавали генетический паспорт, Глеб нарядился так, будто сам шёл получать орден. Он надел синий пиджак, который я купила ему ещё к серебряной свадьбе, и прицепил к лацкану значок речного лоцмана. Тридцать лет он водил по Волге баржи и пассажирские суда, а теперь водил по жизни меня.

— Даша, как я тебе? — спросил он и выпятил грудь. — Похож на дедушку перспективной девицы?

— Похож на швейцара из гостиницы «Которосль», — ответила я и поправила ему воротник. — Только фуражки не хватает.

— Фуражку я оставил на пенсию. Вдруг Лиза у нас будущий капитан, а я заранее на мостике.

Глебу шестьдесят три года. Он высокий, сутулый, с седыми бровями, которые живут своей жизнью: то ползут вверх, то сходятся в одну линию. Когда ему смешно, у глаз собираются мелкие складки, а когда тяжело, складок становится больше, потому что тогда он шутит в два раза чаще.

***

Ярославль в сентябре 2060 года был жёлтым и звонким. Клёны на Волжской набережной горели так, будто их подсветили изнутри. Над рекой висели прогулочные дроны с рекламой, а по воде шёл старый теплоход «Михаил Кутузов», который Глеб водил когда-то сам.

Центр генетической регистрации занимал бывший купеческий особняк у Ильинской площади. Фасад отмыли, внутрь поставили белые капсулы и стойки с голографическими экранами. Детей вызывали по одному, как в старину к доктору.

Лиза держала меня за руку и подпрыгивала на каждой ступеньке. Ей исполнилось семь. У неё острый подбородок, светлые прямые волосы и глаза необычного цвета: серые с золотистым ободком вокруг зрачка, словно кто-то обвёл их тонкой кисточкой.

— Бабушка, а паспорт скажет, кем я буду? — спросила она.

— Он скажет, что ты любишь блины со сгущёнкой, — ответила я. — И что ты храпишь.

— Я не храплю! Это дедушка храпит!

— Клевета, — серьёзно сказал Глеб. — Я не храплю, я подаю сигналы встречным судам.

***

Артём и Вероника опаздывали. Сын написал, что застрял на мосту через Которосль, а невестка вообще не ответила. Я не удивилась: они в последний год жили так, будто Лиза была у них в гостях, а жила у нас.

Сама я работаю аффинёром, то есть выдерживаю сыры. У меня погреб под старым домом на улице Пушкина: сводчатый, кирпичный, с ровной прохладой круглый год. Я переворачиваю головки, протираю корку рассолом, слушаю, как сыр звучит под молоточком. Двадцать лет этим занимаюсь, и сыр ни разу меня не обманул.

С людьми выходит иначе.

Лизу вызвали в капсулу. Она легла, махнула нам рукой, крышка опустилась. Через четыре минуты на стойке перед нами развернулся документ с гербом и голубой полосой.

— Ну, капитан, читаем, — Глеб наклонился к экрану и надел очки.

***

Я читала вместе с ним. «Физическое здоровье: удовлетворительное. Когнитивный прогноз: средний. Рекомендуемые профессиональные траектории: обслуживающий сектор, технический персонал». И ниже красным: «Ограниченный потенциал».

— Ничего, — сказал Глеб. — Я тоже был «ограниченный потенциал». У нас в училище так всех называли, кто на уроках спал.

Но я смотрела на последнюю строку. Она была набрана мелким серым шрифтом, как приписка в договоре, которую никто не читает. «Родство с заявленными родителями: не подтверждено».

— Глеб, — сказала я. — Читай вот здесь.

Он прочитал. Брови его поползли вверх и застряли там.

— Сбой, — сказал он. — Машина. У нас на «Кутузове» эхолот однажды показал под килем кита. В Волге, Даша. Кита.

— Это не эхолот.

— Это тоже железка, — он снял очки и протёр их галстуком. — Железки ошибаются.

***

Лиза вылезла из капсулы и подбежала к нам.

— Что там? Я капитан?

— Ты у нас адмирал, — сказал Глеб и подхватил её на руки. — Пошли за мороженым, адмирал. Бабушка сейчас поругается с компьютером и догонит.

Я осталась у стойки. Пальцы у меня были ледяные, и я грела их, сжимая сумку. К стойке подошла сотрудница центра — молодая женщина в сером костюме с бейджем «Кира. Консультант».

— Вас что-то беспокоит? — спросила она.

— Строка о родстве, — сказала я. — Это ошибка?

— Система не ошибается в таких вещах, — ответила Кира спокойно. — Если вы сомневаетесь, обратитесь в клинику, где проводилась процедура зачатия. Ребёнок от ЭКО?

— Да. Клиника «Генезис-Волга».

Кира посмотрела в экран и чуть заметно поджала губы.

— Тогда вам туда.

***

Артём приехал через сорок минут. Он у нас высокий, в отца, но без отцовской сутулости, а с той прямой спиной, которая бывает у людей, привыкших нравиться. Волосы зачёсаны назад, на запястье дорогие часы с голограммой. Работает он оценщиком страховых рисков для речных грузов, хорошо получает, по крайней мере так говорит.

Он прочитал паспорт и сразу отдал мне планшет.

— Это ерунда, — сказал он. — Глюк. Сейчас половина паспортов с ошибками приходит.

— Половина? — переспросила я. — Откуда ты знаешь?

— Читал где-то, — он отвёл взгляд. — Мам, не раздувай.

— Я не раздуваю. Я хочу понять, почему государственная машина пишет, что твоя дочь вам не родная.

— Ну и что, если пишет? — вдруг сказал он резко. — Тебе-то что?

Глеб с Лизой вернулись с мороженым, и Артём сразу улыбнулся, присел к дочери, взъерошил ей волосы. Я запомнила эту фразу: «Тебе-то что». Запомнила, как он отдал мне планшет — быстро, будто тот был горячий.

***

Вероника пришла вечером к нам домой. Невестка у меня красивая: тонкая, с длинной шеей, с ресницами, которые хлопают как крылья. Она работает стилистом виртуальных интерьеров и всегда говорит о жизни так, будто выбирает обои.

— Дарья Сергеевна, я видела, — сказала она с порога и бросила сумочку на банкетку. — «Ограниченный потенциал». Вы понимаете, что это значит? Её не возьмут в нормальный лицей. Её никуда не возьмут.

— Меня больше беспокоит строка о родстве, — сказала я.

— Это бред какой-то, — Вероника отмахнулась. — Я её рожала. Двенадцать часов. Мне ли не знать, чья она.

— Ты рожала, это правда. Но кого тебе подсадили в клинике, ты знаешь?

Она застыла на секунду, а потом рассмеялась нервно.

— Вы детективов насмотрелись. Вам заняться нечем, кроме как сыры свои переворачивать?

Глеб кашлянул из комнаты.

— Девочки, у меня предложение, — крикнул он. — Давайте сдадим на генетику меня. Вдруг я тоже не родной, и тогда можно не мыть посуду.

Никто не засмеялся. Даже Лиза, которая рисовала на полу.

***

Клиника «Генезис-Волга» стоит на Тверицкой стороне, за мостом. Это стеклянный куб, вокруг которого высажены карликовые сосны и выложены белые дорожки из гальки. На входе висит слоган: «Мы дарим будущее».

Меня принял заместитель директора по работе с пациентами, мужчина лет пятидесяти по фамилии Ланской. Гладкий, загорелый, с белыми зубами.

— Дарья Сергеевна, — сказал он мягко. — Мы проверили архив. Процедура была проведена в полном соответствии с протоколом. Расхождения в генетическом паспорте могут быть связаны с ошибкой при заборе материала в центре регистрации.

— Тогда давайте пересадим, — сказала я. — Ваш анализ против их анализа.

— К сожалению, клиника не проводит повторных исследований без запроса законных представителей ребёнка. Вы ведь бабушка?

— Я бабушка, которая её растит.

— Юридически это не имеет значения, — улыбнулся Ланской. — Всего доброго.

Через два дня мне пришёл официальный ответ на шесть страниц. Шесть страниц, в которых не было ни одного слова по существу.

***

Я позвонила брату Глеба, Савелию. Он двадцать лет проработал судебным генетиком, а теперь консультировал адвокатов. Мы с ним никогда не были близки, он суховат и любит поучать, но в этой ситуации мне был нужен именно он.

— Савелий Аркадьевич, мне нужна ваша помощь, — сказала я. — Неофициально.

— Дарья, вы же знаете, я не люблю неофициально, — ответил он. — Что у вас?

Я рассказала. Он долго молчал, потом спросил:

— У Лизы есть сохранённый образец? Зуб, волосы?

— Молочный зуб. Она сама мне отдала, сказала, чтобы я положила под подушку фее.

— Везите зуб. И свою слюну. И Глеба тоже.

Глеб, услышав это, оживился.

— Савка, ты меня наконец признаешь братом официально? — крикнул он в трубку через моё плечо.

— Глеб, ты сорок лет шутишь одной и той же шуткой, — проворчал Савелий.

— Зато стабильно, — ответил Глеб. — Как Волга.

***

Результаты пришли через неделю. Савелий приехал сам, сел в нашей гостиной на краешек кресла и разложил на столе распечатки. Он похож на Глеба, только как будто его прогладили утюгом: ни одной лишней складки ни на рубашке, ни на лице.

— Ни вы, ни Глеб с Лизой не родственники, — сказал он. — Совсем. Нулевое совпадение по маркерам.

Глеб сел на подлокотник дивана.

— Ну, — сказал он, — это значит, что Лиза у нас умная в кого-то другого. Хоть на меня не свалят.

— Глеб, — я положила ладонь ему на колено. — Не надо.

— Надо, Даша, — тихо сказал он. — Мне сейчас очень надо.

Савелий подвинул ко мне ещё один лист.

— Есть кое-что ещё. У вас, Дарья, редкий вариант гена, который даёт гетерохромный ободок вокруг зрачка. Серые глаза с золотым кольцом. Он у вас, у Артёма. Но не у Лизы. У Лизы похожее кольцо — но другой природы. Совпадение внешнее, не генетическое.

— Значит, наши глаза где-то есть, — сказала я. — У какого-то ребёнка.

***

Я начала искать. Глеб сначала уговаривал меня не лезть, потом махнул рукой и стал возить меня на своём старом электрокаре по городу. Я листала школьные сайты, детские соревнования, публичные фотографии.

Через три недели я нашла её. Ульяна Ставрова, семь лет, лицей «Перспектива» для детей с высоким прогнозом. Фото с конкурса по робототехнике: девочка в синем комбинезоне держит кубок. У неё серые глаза с золотистым кольцом. Точно такие, как у меня в детстве.

— Ставрова, — прочитал Глеб. — Это ж Ставров. Замминистра по демографии.

— Да.

— Даша, — сказал он медленно. — Может, хватит? Это уже не клиника. Это государство.

— Это ребёнок, — сказала я. — Внучка. Моя. Которая живёт в чужой семье. И это Лиза, которая живёт в нашей и которой кто-то написал в паспорте, что она будет мыть полы.

***

Я поехала к лицею. Это бывшая усадьба под Ярославлем, на берегу Туношонки. Вокруг сосновый бор, вдоль речки идут мостки, по которым дети гуляют с воспитателями. Я встала у ограды и ждала.

Ульяна вышла с группой. Она шла быстро, держала планшет, что-то объясняла подруге. А потом повернулась ко мне — и я увидела свои глаза. Свои, не Лизины. И одновременно я увидела Лизин подбородок, Лизин наклон головы.

Не мой подбородок, не Артёма. Лизин.

Я стояла и не могла понять, что это значит. Если Ульяна похожа на нас глазами, а на Лизу — лицом, то кто кому родня?

***

Дома я разложила на столе всё, что у меня было. Савелий приехал снова, уже с ноутбуком.

— Давайте думать, — сказала я. — Если Ульяна наша, то Лиза должна быть Ставровых. Но тогда почему Ульяна так похожа на Лизу?

— Потому что они сёстры, — сказал Савелий.

Я посмотрела на него.

— Они обе Ставровы, Дарья, — продолжил он. — Я запросил открытые данные паспорта Ульяны. Он в общем реестре одарённых. Её генетический профиль совпадает с вашей линией. Ваша редкая мутация глаз прописана там. Но я сравнил фото по антропометрии — подбородок, скулы, разрез. Это сёстры. Одни родители.

— То есть паспорт Ульяны… — начала я.

— Паспорт Ульяны составлен на основе генома вашего эмбриона. Эмбриона Артёма и Вероники. С хорошим прогнозом. А сама Ульяна — дочь Ставровых, у которых прогноз, судя по всему, был плохой. Как у Лизы.

Глеб присвистнул.

— Это что же. Они продали Ставрову не ребёнка. Они продали ему бумажку.

— Они продали ему судьбу, — сказала я. — Чужую судьбу его родной дочке. А Лизу, вторую девочку Ставровых, отдали Веронике, чтобы не выбрасывать.

— А где наш эмбрион? — спросил Глеб.

Савелий развёл руками.

— Скорее всего, его уже нет. Его геном нужен был только как образец данных.

***

Глеб встал, прошёлся по комнате, остановился у книжной полки.

— Ну хоть зуб феи пригодился, — сказал он. — Фея, оказывается, работает на прокуратуру.

Я не ответила. Я думала о другом. Клиника не могла подсадить чужой эмбрион, не объяснив ничего родителям. Анализы делали на каждом этапе. Вероника проходила обследование на восьмой неделе, у меня сохранилась её карта: тогда было написано «Совпадение подтверждено». Значит, кто-то подписал согласие на подсадку донорского материала. Кто-то из двоих.

— Савелий Аркадьевич, — сказала я. — Можно поднять документы о согласии?

— Можно, если вы законный представитель. Или если есть суд.

— Будет суд, — сказала я.

***

Через неделю мне позвонила незнакомая женщина. Голос тихий, торопливый.

— Дарья Сергеевна? Меня зовут Полина. Я эмбриолог «Генезиса». Я уволилась в прошлом месяце. Вы ищете информацию о процедуре Вероники Корниловой?

— Да.

— Я могу показать документы. Не по телефону.

Мы встретились в парке на Стрелке, где Которосль впадает в Волгу. Там у воды стоят белые скамьи, а над рекой кружат чайки, которые не боятся даже дронов. Полина оказалась маленькой женщиной в огромном капюшоне, с испуганным лицом и обкусанными ногтями.

— Вот, — она протянула мне флешку. — Там всё. Протоколы, переписка, суммы.

— Почему вы мне помогаете?

— Потому что я подсаживала этих детей, — сказала она. — И мне по ночам снятся их паспорта.

***

На флешке был документ, от которого у меня свело челюсть. Согласие на «замену биологического материала по медицинским показаниям». Внизу подпись: Корнилов Артём Глебович. Дата — за неделю до подсадки.

И ещё один документ. Договор о конфиденциальности. Сумма компенсации: четыре миллиона двести тысяч рублей. Получатель — Корнилов Артём Глебович. Вероники в этих документах не было вообще.

Я сидела над экраном долго. Потом позвала Глеба. Он прочитал, снял очки, положил их на стол и сказал:

— Нет.

— Подпись его.

— Подделка.

— Он тогда купил квартиру на Красном Перекопе. Помнишь? Сказал, премия.

Глеб молчал. Потом сказал тихо:

— Даша, я сейчас придумаю какую-нибудь шутку. Подожди. Сейчас придумаю.

Шутки он так и не придумал.

***

Артём приехал по моему вызову. Я сказала ему, что у Лизы температура, и он примчался через двадцать минут. Это меня удивило и больно задело: значит, за ребёнка он всё-таки переживал.

— Где она? — спросил он с порога.

— Спит. Здорова. Сядь.

Он сел. Я положила перед ним распечатку согласия.

— Это твоя подпись?

Он посмотрел, и лицо у него стало белым, как сырная корка в рассоле.

— Мам, откуда это?

— Это твоя подпись? — повторила я.

— Слушай… — он потёр шею. — Там было по-другому. Они сказали, что наши эмбрионы нежизнеспособные. Что у Ники шансов не будет. Что есть донорский, здоровый. Что всё анонимно и ребёнок будет как родной.

— А деньги?

— Деньги — это компенсация. За неудачный цикл.

— Четыре миллиона за неудачный цикл, — сказал Глеб. — Сынок, я на «Кутузове» за двадцать лет столько не заработал.

***

— Вы не понимаете, — Артём вскочил. — Мы бы никогда не родили! Никогда! Я сделал так, чтобы у нас был ребёнок! Я Нике ничего не сказал, чтобы она не мучилась!

— Ты продал ваш эмбрион, — сказала я. — Ты продал свою дочь, которая сейчас учится в лицее для одарённых под чужой фамилией. Ты продал её паспорт другой девочке. И взял за это квартиру.

— Не продал! Они сказали, его утилизируют!

— А ты спросил, зачем за утилизацию платят четыре миллиона?

Он замолчал. Глеб встал между нами, хотя никто ни на кого не нападал.

— Тёма, — сказал он. — Скажи мне одно. Ты знал, что Лиза получит плохой паспорт?

Артём долго смотрел в пол.

— Ланской предупредил. Сказал, что прогноз у неё будет так себе. Что это цена.

Я села. Я думала, что выдержу, но ноги сами меня посадили.

***

Вероника узнала обо всём на следующий день. Я ждала, что она бросится к Лизе, обнимет, скажет, что никому не отдаст. Вместо этого она пришла с адвокатом.

— Дарья Сергеевна, — сказала она, не садясь. — Мы подаём иск к клинике. Мы хотим вернуть нашу биологическую дочь. Ульяну.

— А Лиза?

Вероника поправила рукав.

— Лиза… Лиза не наша. Это чужой ребёнок, у которого есть свои биологические родители. Пусть Ставровы её и забирают. И потом, с её прогнозом…

— Ты семь лет называла её дочкой, — сказала я.

— Я называла её дочкой, потому что меня обманули! — крикнула Вероника. — Ваш сын меня обманул! Я не обязана растить чужую девочку с ограниченным потенциалом, пока моя родная растёт у министра!

Из детской вышла Лиза. Босиком, в пижаме с совами. Она стояла в дверях и смотрела на мать.

— Мам, — сказала она. — Я ограниченная?

Вероника отвернулась.

***

Суд начался в феврале. Областной суд на Кирова, высокий зал с белыми колоннами и экранами вдоль стен. На улице лежал синий снег, и Волга под мостом стояла подо льдом, как стекло.

Ставров на заседание не пришёл, прислал трёх юристов. Ланской сидел бледный, его адвокат всё время шептал ему в ухо. Полина давала показания по видеосвязи из другого города.

Мой иск был простым. Признать подмену. Признать паспорт Лизы недействительным и выдать новый, честный. И передать опеку над Лизой мне и Глебу, потому что биологические родители её не признавали, а Артём и Вероника от неё отказались.

— Почему вы считаете, что ребёнку будет лучше с вами, чем с биологической семьёй? — спросила судья Ольга Матвеевна Рябинина, сухая женщина с короткой стрижкой.

— Потому что биологическая семья заплатила, чтобы её не видеть, — сказала я. — А я платила, чтобы видеть её каждый день. Сырами. Временем. Коленками, которые болят, когда я её на санках катаю.

***

Глеб выступал вторым. Он долго поправлял пиджак, тот самый, синий.

— Ваша честь, — сказал он. — Я речной лоцман. Тридцать лет водил суда по Волге. И знаете, у реки есть паспорт. Глубины, мели, фарватер. А потом весной половодье — и паспорт этот можно выкинуть. Река сама решает, куда течь. Вот и Лиза так.

— Это всё? — спросила судья.

— Нет, — сказал Глеб. — Ещё она храпит. Как я. Значит, родная.

В зале кто-то хмыкнул. Судья не улыбнулась, но что-то записала.

***

Артёма вызвали как свидетеля. Он вышел к трибуне и не смотрел ни на меня, ни на отца. Его адвокат заранее предупредил, что против клиники Артём будет давать показания, но себя будет выгораживать.

— Вы получили денежное вознаграждение за согласие на подмену? — спросил прокурор.

— Я получил компенсацию.

— За что?

— За неудачный цикл ЭКО.

— Вы знали, что ваш биологический эмбрион будет использован для создания поддельного генетического паспорта другому ребёнку?

— Я не знал подробностей.

— Вам сообщили, что ваша будущая дочь получит прогноз «ограниченный потенциал»?

Артём молчал. Потом сказал:

— Да.

— И вы согласились?

— Мне сказали, что это просто бумажка.

***

Решение огласили через две недели. Я пришла с Лизой, хотя Савелий отговаривал. Лиза сидела рядом и болтала ногами, а в руках держала свою любимую игрушку — плюшевого тюленя Сёму.

— Суд признаёт факт подмены биологического материала и фальсификации генетических паспортов, — читала судья. — Генетический паспорт Елизаветы Артёмовны Корниловой признаётся недействительным. Назначается повторное независимое исследование.

Ланской сидел неподвижно. Его адвокат собирал бумаги.

— Опека над несовершеннолетней Елизаветой передаётся Корниловой Дарье Сергеевне и Корнилову Глебу Аркадьевичу. Материалы в отношении Корнилова Артёма Глебовича выделяются в отдельное производство по статье о торговле биологическим материалом и получении незаконного вознаграждения. Мера пресечения — заключение под стражу в зале суда.

***

Двое приставов подошли к Артёму. Он сначала не понял, потом понял и вскочил.

— Подождите! Это ошибка! Я свидетель! Я же свидетель!

— Корнилов, руки, — сказал пристав.

— Мам! — заорал Артём, и голос у него сорвался, стал детским, как тридцать лет назад, когда он падал с велосипеда. — Мам, скажи им! Скажи, что я не знал! Я же для вас, я для Ники, я хотел, чтобы у нас была семья!

Вероника вскочила со своего места, бледная, растрёпанная.

— Артём! Где деньги?! — закричала она. — Где квартира?! Квартира на кого оформлена?! Меня что, тоже посадят?!

— Ника, успокойся!

— Не успокоюсь! Ты мне жизнь испортил! Ты мне чужого ребёнка подсунул, а теперь я ещё и без жилья останусь?!

Ланской вдруг рванулся к выходу. Его перехватил второй пристав, и он закричал высоким голосом, что у него приступ, что ему нужен врач, что он требует адвоката, хотя адвокат стоял рядом.

***

Лиза прижалась ко мне и уронила Сёму на пол.

— Бабушка! — кричала она, и у неё стучали зубы. — Бабушка, папу уводят! Бабушка, а меня тоже заберут?! Я же ограниченная, меня заберут?!

— Никто тебя не заберёт! — я схватила её на руки так, что она охнула. — Слышишь? Никто! Никогда!

— А ты мне не родная! Мама сказала, ты мне не родная!

Зал гудел. Вероника рыдала в голос и хватала адвоката за рукав. Артём упирался в дверях, оборачивался и кричал моё имя. Глеб стоял рядом со мной, белый как мел, и держал меня за локоть, чтобы я не упала.

Я прижала Лизу лицом к своему плечу и закричала через весь этот шум, так, что судья подняла голову:

— Родная — та, которую я защищаю! Ты слышишь, Лиза?! Та, которую я защищаю!

Дверь за Артёмом закрылась. Его крик ещё долго доносился из коридора.

Автор: Владимир Шорохов 2026

Я купила себе молодость. Через месяц пришёл счёт на дочь

Теплоход «Ярославна» отвалил от причала ровно в семь вечера. Волга под бортом лениво переливалась медью, а на правом берегу золотились купола Спасского монастыря. Берёзы на откосе уже пожелтели, и ветер срывал с них листья прямо на палубу.

Мне исполнилось пятьдесят. Глеб арендовал весь верхний салон, позвал сорок гостей и нанял квартет, который упорно играл Вивальди, хотя я просила Пугачёву.

— Верочка, не хмурься! — Глеб подхватил меня под локоть и закружил между столиками. — Осень у Вивальди — твоё время года. Зрелая, золотая и без единой лишней ноты!

— Зрелая, — повторила я. — Ты бы ещё сказал «перезрелая».

— Не скажу. Я аукционист, а не самоубийца.

Гости засмеялись. Глеб был в своей стихии: высокий, с аккуратной сединой на висках, в тёмно-синем пиджаке, который сидел на нём так, будто его шили прямо на теле. Двадцать пять лет он продавал с молотком в руке чужие сервизы, иконы и картины. Он умел заставить человека захотеть то, о чём ещё минуту назад тот и не думал.

Я в тот вечер поймала своё отражение в стекле салона. Короткая стрижка с серебряными прядями, которые я перестала закрашивать два года назад. Морщинки у глаз, складка между бровями — от работы.

Я судебный энтомолог. По личинкам мясной мухи определяю, сколько дней пролежало тело в лесу под Рыбинском. Работа приучила меня к главному: насекомые никогда не врут, а люди врут постоянно.

***

Подарок Глеб вручил под самый конец, когда квартет наконец сдался и заиграл «Миллион алых роз». Он постучал вилкой по бокалу, как молотком по кафедре.

— Лот номер один! — объявил он. — Единственный экземпляр, торг неуместен. Стартовая цена — пятьдесят лет. Финальная — тридцать пять!

Он протянул мне золотистую карточку с тиснением: «Клиника "Хронос". Программа клеточного омоложения. Годовая подписка».

— Глеб, ты с ума сошёл? — шепнула я. — Это же стоит как квартира!

— Как две квартиры, — подмигнул он. — Но ты стоишь трёх. Я поторговался.

Алина, наша дочь, сидела у края стола в бирюзовом платье. Девятнадцать лет, второй курс биофака, волосы цвета гречишного мёда, которые она вечно собирала в небрежный пучок и закалывала карандашом. Она смотрела на карточку с сомнением.

— Пап, а это вообще законно? — спросила она. — Мы на парах проходили, что клеточная терапия у нас в серой зоне.

— Солнце моё, — Глеб развёл руками, — в серой зоне у нас вся страна. Лицензия у них есть, я лично видел. В рамочке, с печатью, всё как положено!

Свекровь, Нина Аркадьевна, поджала губы и поправила янтарную брошь. Сухонькая, прямая, с вечно недовольным подбородком, она всю жизнь считала, что я недостаточно хороша для её сына.

— Глебушка, ты бы лучше дачу подлатал, — сказала она. — Крыша течёт третий сезон.

— Мамуль, ты же знаешь: крыша у нас течёт не на даче, — рассмеялся Глеб и постучал себя пальцем по виску.

— Нина Аркадьевна, спасибо за заботу, — сказала я. — Крышу тоже сделаем.

Она только фыркнула.

***

Клиника «Хронос» занимала особняк на Волжской набережной. Белые колонны, мраморная лестница, кованые фонари. Внутри всё сияло, как витрина ювелирного магазина.

Меня встретил главный врач, Артём Семёнович Лурье. Невысокий, гладко выбритый, с мягкими ладонями и улыбкой, которую он, похоже, отрабатывал перед зеркалом.

— Вера Андреевна, ваш супруг уже всё оформил, — сказал он. — От вас нужно только присутствие и немного терпения. Курс — шесть инфузий раз в пять дней.

— А документы? — спросила я. — Мне бы их прочитать.

— Электронный договор, подписан дистанционно, — он протянул планшет и пролистал страницы так быстро, что я успела увидеть только шапку. — Полный текст придёт вам на почту. У нас всё прозрачно, как родниковая вода.

Я хотела возразить. Но медсестра уже вводила катетер, а Глеб стоял рядом и рассказывал анекдот про антиквара и бабушкин комод. Я смеялась и не заметила, как прошёл час.

Через неделю исчезла складка между бровями. Через две кожа на шее подтянулась, будто кто-то невидимый разгладил её утюгом. Через три я сама остановилась у зеркала в лаборатории и не сразу узнала себя.

— Вера Андреевна, вы что, в санатории были? — ахнула моя лаборантка Даша. — Вам больше тридцати пяти не дашь!

— Подписка, Дашенька, — засмеялась я. — Как на сериалы, только на лицо.

***

Письмо пришло в среду, в половине одиннадцатого утра. Я как раз раскладывала по пробиркам личинок из очередного дела. Телефон звякнул, и на экране высветилась тема: «Уведомление о плановой процедуре».

Я открыла его, не снимая перчаток.

«Уважаемая Вера Андреевна! Напоминаем: в соответствии с пунктом 7.3 договора залоговый донор — Ковалёва Алина Глебовна, 19 лет. Плановый забор клеток костного мозга и тимуса — пятница, 9:00. Донору необходимо прибыть натощак».

Я положила пинцет. Потом снова взяла письмо и перечитала каждое слово медленно, по слогам.

Залоговый донор. Алина. Пятница.

Я позвонила в клинику. Ответила девушка с голосом диктора из аэропорта.

— Да, Вера Андреевна, всё верно, — подтвердила она. — Ваша программа работает на родственных клетках. Без донора эффект держится максимум три месяца.

— Какой донор? Я ни на что не соглашалась!

— Под договором стоит ваша подпись. Приложение номер четыре, согласие залогодателя. И подпись вашей дочери тоже есть.

— Пришлите мне это приложение. Немедленно.

Через пять минут файл лёг в почту. Внизу страницы красовался мой росчерк: заглавная «В» с петлёй, длинный хвост у «а». Мой. Идеально мой.

Только я его не ставила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.